

Елена Дмитриевна Трухан

Зёрна

публицистические и литературно-
критические статьи

Издательские решения
По лицензии Ridero
2018

*«Мне оставалось
только открыть ему
глаза...»*

Сквозь непроглядную тьму брэнного мира, словно преодолевая толщy безвременья и космический мрак вечности, вдруг проступил лик Человека, немало повидавшего, но не очерстневшего, наделенного повышенной чувствительностью к боли других. Это Достоевский.

Желтоватое, изборожденное морщинами лицо, высокий лоб, редкие волосы с проседью, выпирающие скулы, густая — волосок к волоску — борода и живые глаза земного страдальца и философа.

Вездесущий, проникающий во все закоулки сознания, взгляд пронзает, ввинчивается в самую душу, потрясает и переворачивает что-то внутри. От него невозможно укрыться. Да и после встречи

с ним жить по-прежнему просто не получится. Он словно выворачивает наружу и высокие душевные порывы, способность к самопожертвованию, и их изнанку — эгоистические устремления, сырое подполье души, маскирующееся под мишурой финансовой и карьерной успешности.

Голова писателя обращена к зрителю в три четверти оборота. Левое ухо обнажено, выписано крупно, будто специально создано для того, чтобы слышать сердце мира, взывание о помощи любого болящего и скорбящего существа в нем — «бедных людей», «униженных и оскорбленных», «пьяненьких». Слышать, как «дитё плачет», как тяжело вздыхает «издыхающая кобылёнка»...

Портрет невольно пробуждает в памяти строки критика-импрессиониста Серебряного века Юлия Айхенвальда:

«Уже одно то, что Достоевский, пловец страшных человеческих глубин, провидец тьмы, рудокоп души, пережил психологию смертной казни, невероятный ужас ее ожидания, — одно это делает его существом inferнальным, как бы вышедшим из могилы и в саване блуждающим среди людей живых...».

Константину Дверину действительно удалось воплотить на холсте одновременное дыхание жизни и смерти. Облик писателя, созданный им, проникнут антиномичностью, свойственной, как известно, и литературным персонажам самого Достоевского.

Приступая к портрету, Константин долго искал в чередѣ фотографий и картин других художников,

изображавших гениального романиста, особенный вдохновляющий ракурс, неординарный взгляд. И вот необыкновенное везение — картина «Достоевский на смертном одре» художника И. Н. Крамского!

«Мне оставалось только открыть ему глаза», — искренне поделился секретами творческого процесса Дверин.

Как известно, полотно, так воодушевившее нашего одарённого соотечественника, было создано Крамским с натуры на следующий день после смерти Фёдора Михайловича — 29 января 1881 года. Анна Григорьевна Достоевская, вдова писателя, вспоминала об этом так:

«Он (Крамской — Е.Ш.) по собственному желанию захотел нарисовать портрет усопшего в натуральную величину и исполнил свою работу с громадным талантом. На этом портрете Федор Михайлович кажется не умершим, а лишь заснувшим, почти с улыбающимся и просветленным лицом, как бы уже узнавшим неведомую никому тайну загробной жизни...»

Следует сказать, что портрет кисти Крамского произвел впечатление не только на К. Г. Дверина. Современники литератора вспоминали, что как только полотно выставили на сцене в зале Кононова, весь зал встал, как один человек. В третьем номере «Исторического вестника» за 1881 год была опубликована заметка об этой великолепной работе, где, в частности, говорилось:

«Уведомленный о смерти Ф. М. Достоев-

ского на другой день рано утром одним из приятелей последнего, Крамской тотчас же отправился на квартиру покойного, устроил там подмости и в несколько часов написал карандашом и тушью портрет, одно из лучших своих произведений. Сходство этого портрета поразительное. Попытки фотографов снять портрет с покойного в маленькой комнате, при слабом свете и при том, при необходимости, в профиль совершенно не удалась».

Константин Дверин, всегда бережно изучающий и творчески перерабатывающий наследие великих художников прошлого, в особенности — культурный фонд XIX века, не только воспринял особенный ракурс, но и воспользовался находками Крамского в части выгодного освещения головы.

Портрет Достоевского, написанный в 2018 году, он считает своей большой удачей, о чем неоднократно заявлял посетителям мастерской. Ему, наконец, удалось уловить мгновение, которое так давно искал — момент возрождения, воскрешения Достоевского к новой жизни после гражданской казни на Семёновском плацу, второго пришествия писателя в литературу.

Эту пасхальную идею поддерживают многие элементы картины: не только живые, открытые всем бедам и радостям мира, глаза воскресающего, но и чуть заметное движение волос, и, бесспорно, оливково-зеленоватые оттенки левой части лица — тонкий, сочащийся свет новой, чуть теплящейся, жизни.

По этому поводу вспоминаются размышления о зеленом цвете достоевсковеда Т. А. Касаткиной, де-

тально анализировавшей картину Ганса Гольбейна (Младшего) «Мёртвый Христос в гробу», которая в своё время поразила Ф. М. Достоевского в музее Базеля в Швейцарии: *«зеленое свечение, побеждающее и преобразующее мрак, — свет прозябающей жизни, свет неукротимо стремящейся вверх энергии восстания».*

Видимо, поэтому портрет кисти Дверина совсем не фотогеничен. Как ни старайтесь, снимки окажутся неадекватны оригиналу: сразу потеряется едва зарождающийся свет, сам ритм процесса воскресения...

К созданию образа Достоевского Дверин приступал неоднократно. Он будто восходил к нему по невидимым ступеням, день ото дня приближаясь к психологическому пониманию личности. Первой попыткой стал погрудный, обрамленный прорисованным паспарту, портрет в стиле XIX века, который в 1997 году также был передан новокузнецкому музею писателя.

Спустя 20 лет — новый виток: наряду с пятью образами самых противоречивых фигур российской истории и культуры, гениями Добра и Зла — Лениным, Сталиным, Петром I, Пушкиным, Толстым — художник вновь представил свой взгляд и на Фёдора Михайловича.

Но если эти первые два портрета Ф. М. Достоевского были исполнены Двериным несколько «хрестоматийно» и предсказуемо, очень ожидаемо, то работа 2018 года получилась совсем иной. Художнику посчастливилось запечатлеть, как выражался русский философ и религиозный мыслитель С. Л. Франк, «духовное лицо» классика русской литературы, создать психологический портрет во всей глубине и полноте внутреннего мира личности, остановить в мгновении бесконечное движение человеческих чувств и действий.

Видение Достоевского складывалось у Константина Дверина, можно сказать, на волне его неиссякаемого интереса к великим: их биографическим и внутренним изломам, мыслям и поступкам, богатому творческому багажу. В своих мини-интервью он откровенно признавался, что всегда воодушевлялся чем-то грандиозным. Это могли быть исторически и культурно значимые личности — будущие объекты изображения; какой-либо временной отрезок, оригинальные художественные открытия которого рождают в душе невероятный эмоциональный всплеск; уровень мастерства или стиль определенного автора и даже колоссальность временного разрыва с художником-предшественником.

— Набросок Леонардо «Поклонение волхвов» остается недоработанным уже 540 лет! — изумляется и одновременно подстёгивает себя на смелый эксперимент в ближайшем будущем Дверин. — За это время никто ничего не попробовал на эту тему сказать!

— С момента создания «Мастерских гравюр» Дюрера минуло 505 лет, и ни один художник не додумался расцветить их яркими красками!.. — недоумевает и не дает себе покоя живописец.

— А ведь и правда! — поражается зритель, следуя за логикой его мысли, переживаниями и исполинскими дерзкими планами...

Портрет Достоевского стал не только большой художественной удачей, но и настоящей находкой для постоянной экспозиции музея писателя в Новокузнецке. Ведь она представляет кузнецкие дни романиста не только временем его первой любви, но и мучительным периодом творческого воскрешения, возвращения к литературному труду.

Встреча с дверинским Достоевским проходит очень волнительно: у некоторых на глаза наворачиваются

слёзы. Писатель «появляется» уже в первом зале и сразу захватывает, увлекает в особый мир, не отпуская до последнего мгновения. Создается удивительное впечатление: Достоевский овладевает зрительским вниманием с самого порога и тут же растворяется в каждой клетке мемориального бревенчатого дома, становится его сердцем. Куда бы ты ни пошел — он с тобой, в самом центре событий. Сразу понимаешь, что это дом Достоевского, а не скромные, сдаваемые внаем, комнаты портного Дмитриева, не вынужденное пристанище вдовы М. Д. Исаевой. Достоевский — везде, он здесь единственный и полновластный хозяин.

К портрету, как к магическому кристаллу, устремляются все экспозиционные элементы и образы, он будто аккумулирует вокруг себя мысли о жизни и смерти, любви, семье и браке, о бренном и вечном. Мысли, так пронзительно звучащие в литературных и философских размышлениях гениального летописца человеческих душ.